

А.Д. ЯНОВСКИЙ

Российская дореволюционная историография кампании 1805 года

Война 1805 года, может быть, в силу своей непродолжительности (всего 3 месяца) и её печальной для стран третьей антинаполеоновской коалиции развязки (прежде всего для Австрии и России) не привлекла столь значительного внимания российских историков, как, скажем, кампания 1806–1807 гг., закончившаяся подписанием Тильзитского мирного договора и оформлением системы континентальной блокады, Отечественная война 1812 года или события 1813–1815 гг., приведшие к полному краху наполеоновского господства в Европе и созданию Священного союза.

В самом начале царствования Александра I в России развернулась большая публикаторская работа, позволившая ввести в научный оборот массу новых источников (прежде всего архивных). Центрами этой деятельности стали учрежденное в 1804 г. Общество истории и древностей Российских при Императорском Московском университете и созданная в 1811 г. Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Однако, пожалуй, первым российским историографом событий 1805 года по справедливости можно считать Фёдора Николаевича Глинку (1786–1880), известного поэта, прозаика, публициста. Именно Ф.Н. Глинка в 1808 году издал свои интереснейшие «Письма русского офицера»¹.

Названное сочинение Ф.Н. Глинки, разумеется, нельзя считать строго историческим. Оно напоминает, скорее, походные записки, изобилует личными наблюдениями автора, его чисто субъективным восприятием происходящего, излишне эмоционально и детализировано. Успехи французов автор объясняет высокой дисциплинированностью, организованностью их армий, её отменной вооружённостью, отличным

снабжением продовольствием и фуражом. Толково и со знанием дела описывает действия русских войск в ходе отступательной операции из Баварии в Моравию, в битве под Кремсом. М.И. Кутузова он ставит очень высоко, называя его не иначе как «мудрый наш Кутузов»². О «главном сражении» при Аустерлице Глинка пишет чрезвычайно кратко и в самых общих чертах, рассказывая, по собственному признанию, «только то, чему сам был свидетелем». Силы сторон оценивает крайне неточно, утверждая, что у Наполеона было 130 тыс., а у русских и австрийцев всего 70 тыс. По его мнению, «победа колебалась чрез целый день, и уже по наступлении ночи мы отступили к пределам Венгрии». Высоко отзывается о героизме и мужестве русских воинов, а Александра I искренне считает «неустраслимым»³. С грустью говорит о тех ужасах, разорениях и бедствиях, которые несет война простому народу.⁴ Позднее это его сочинение переиздавалось многократно в различных вариантах.

В другой своей работе Глинка пишет, что сам Наполеон, «...заняв часть воинских правил у Суворова, особливо его быстроту и внезапность в нападениях, искусно применил оные к великим движениям многочисленных армий»⁵.

1813–1814 годы стали временем появления довольно большого количества сочинений, посвящённых жизни и воинским подвигам М.И. Кутузова. Разумеется, все эти работы, писавшиеся, как видно по датам их выхода в свет, по более чем «горячим следам» событий, практически не содержат каких-либо архивных данных и опираются в основном на рассказы близких родственников, друзей, очевидцев и сослуживцев.

Данные сочинения представляют собой панегирики во славу великого полководца, они отличались восторженно-эмоциональным стилем и не содержали глубокого анализа военных операций, планов и замыслов их главного героя. Кампания 1805 года изображается авторами этих книг очень бегло и кратко и подаётся как обидная случайность, не оказавшая почти никакого влияния на дальнейший ход событий в Европе.

В 1836 году в свет вышел состоящий из пяти частей «Словарь достопамятных людей...» известного историка дворянского направления Дмитрия Николаевича Бантыша-Каменского (1788–

1850).⁶ Но, бесспорно, более ярким и насыщенным интересными подробностями сочинением явилась его же книга «Биографии российских генералиссимусов...»⁷. В ней, рассказывая о М.И. Кутузове, автор очень высоко оценивает оправданное и грамотно проведённое осеннее 1805 года отступление, отмечая, что всё это время (кроме Аустерлица) французская армия имела большое численное превосходство. Говорит о нежелании Кутузова давать решающее сражение, пока не подойдут крупные силы австрийцев из Тироля и Северной Италии, русская армия Л.Л. Беннигсена и корпус И.Н. Эссена, а, возможно, и войска готовящейся со дня на день примкнуть к коалиции Пруссии. Аустерлиц Бантыш-Каменский характеризует как поражение армии союзников (хотя немного преуменьшает её потери – 25 тыс. и завышает потери французов – 16 тыс.), но существенно преувеличивает роль Александра I и цесаревича Константина Павловича, о Кутузове же пишет, что он «должен был покориться обстоятельствам»⁸.

К точке зрения Д.Н. Бантыша-Каменского очень близко подходит ещё один дворянский историк первой половины XIX в. Николай Алексеевич Полевой (1796–1846). Правда, в широких общественных кругах 1820–1840-х годов он был больше известен как писатель, журналист и литературный критик. В 1845 году, за несколько месяцев до смерти Н.А. Полевого, в свет вышла его книга «Русские полководцы...». В очерке «М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский» Полевой посвятил всего две с небольшим страницы событиям 1805 года. Он дал исключительно высокую оценку действиям Кутузова в период от капитуляции армии К. Макка под Ульмом и до Аустерлицкого сражения: «В виду всей победительной армии Наполеона... отступление Кутузова было дивным подвигом непобедимого мужества и торжеством стратегического расчета и дипломатической хитрости». Возглавив командование объединённой русско-австрийской армии, прославленный полководец «взял на ответственность свою ошибки других». При Аустерлице, по мнению Полевого, «не помогли ни храбрость войск, ни самоотвержение вождей»⁹.

За год до издания названной работы Н.А. Полевого вышло солидное исследование А.И. Михайловского-Данилевского «Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805-м году».

Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790–1848), бесспорно, был крупнейшим военным историком первой половины XIX века. Он безоговорочно отводил решающую роль в войнах монархам и главам государств, исполнителями воли которых выступают полководцы (в том числе и Кутузов). К несомненным достоинствам сочинений Михайловского-Данилевского следует отнести, помимо серьёзного и глубокого изучения источников, попытки критического анализа исторической литературы того времени¹⁰ и стремление к более внимательному исследованию дипломатических и внешнеполитических предпосылок и причин войны.

Уже упоминавшееся выше описание кампании 1805 года было основано, по признанию самого автора, «на самой строгой истине, на подлинных военных и дипломатических документах и показаниях немногих остающихся в живых свидетелей и участников войны 1805-го года»¹¹. Историк, не скрывая своих симпатий, изображает русского императора в роли радетеля за мир и спокойствие в Европе, которому были глубоко чужды какие-либо агрессивные устремления. Наполеон же, напротив, предстаёт в виде захватчика и узурпатора, стремящегося диктовать всем и вся свою волю.

Аустерлиц Михайловский-Данилевский справедливо называет «кровавой неудачей» союзников, Кутузова он упрекает «в недостатке твердости при поддержании своих мнений», отмечая при этом, что сам «Кутузов слагал с себя всякую ответственность за поражение»¹². Бывший адъютант Кутузова в 1812 году, Михайловский-Данилевский откровенно симпатизирует своему знаменитому начальнику, он честно признает, что после Аустерлица «общее мнение в армии осуждало его (Кутузова. – А.Я.): зачем, видя ошибочные распоряжения доверенных при императорах Александре и Франце лиц, не опровергал он упорно действий их всеми доводами, почерпнутыми из многолетней опытности и глубокого разума его»¹³. Но как мог 60-летний полководец, оставаясь один против всех

(включая двух императоров), «опровергать упорно действия их», и способны ли были его даже самые аргументированные «доводы» предотвратить лишь только ему ведомую беду?!

Подводя итоги своей монографии, А.И. Михайловский-Данилевский делает на редкость точные и верные, на наш взгляд, выводы. Аустерлицкое поражение положило конец шапкозакидательским настроениям русского общества в отношении к Наполеону. «Россия содрогнулась, но не поколебалась», – замечает историк. Зато, считает он, именно Аустерлиц подготовил ряд успехов, достигнутых русской армией в кампании 1806–1807 гг., а главное – 1812 год и последовавшие за ним победы в Европе 1813–1814 гг.¹⁴ С этим трудно не согласиться.

На конец 1850-х годов приходится расцвет научной деятельности выдающегося военного историка России XIX столетия, яркого представителя дворянского направления в историографии М.И. Богдановича. Этот учёный тесно связывал стратегию с военной историей: «Стратегия, как искусство и как наука, рассматривается одновременно с военной историей, которой события служат примерами и подтверждением теории»¹⁵.

Для нашего доклада большой интерес представляет его шеститомное исследование истории царствования Александра I.¹⁶ В нём, в главах второго тома с 13-ой по 15-ую («Кремс и Шенграбен», «Сражение при Аустерлице» и «Последствия сражения при Аустерлице»), подробно и внимательно описываются события кампании 1805 года.

Отмечая мастерски проведённую М.И. Кутузовым отступательную операцию в октябре-ноябре 1805 г., его умелые и уверенные действия в сражении под Кремсом, Богданович детально анализирует ситуацию накануне Аустерлицкой битвы и диспозицию австрийского генерала Франца фон Вейротера. «В составлении ее, – пишет исследователь, – Кутузов не принимал никакого участия: по его мнению, следовало приступить к решительному нападению на неприятеля не прежде, как собрав достоверные сведения о силах и расположении его, и, между тем, сосредоточить войска по возможности на небольшом пространстве, а потом уже составить диспозицию сообразно

обстоятельствам, в особенности же избегая сложных маневров: все эти соображения были достойны бывшего сподвижника Суворова, и ежели в чем можно упрекать Кутузова, то единственно в том, что он не выказал силы характера и не отверг решительного предположения, которого необдуманность была ему очевидна»¹⁷.

Историк задается сложным вопросом: «Почему император Александр, отняв у Кутузова власть распоряжаться ходом действий, оставил ему звание главнокомандующего?» С нашей точки зрения, Богданович сам же блестяще разгадывает эту загадку, считая «одною из особенностей характера Александра – оставлять в решительные минуты жизни многое в сомнении, в неопределенности. Колеблясь между желанием пожать лавры победы и опасением неудачи, он не хотел ни уступить Кутузову славу, в случае успеха, ни принять на себя упрек, в случае поражения»¹⁸. Уверенно называя Наполеона гением, Богданович, справедливости ради, подчёркивает, что великий корсиканец соединил в своих руках власть императора и полководца, что, естественно, давало ему огромное преимущество перед М.И. Кутузовым, вынужденным всецело следовать воле своего монарха.

К неоспоримым достоинствам военно-исторических трудов М.И. Богдановича необходимо отнести его стремление давать критический анализ имеющихся источников и научной литературы по избранной теме исследования. Главным же недостатком трудов Богдановича был откровенный идеализм во взглядах на исторический процесс: «всевышний промысл» мог привести ту или иную сторону к победе или поражению, а в личном конфликте Александра I и Наполеона Бонапарта коренились причины, погрузившие Европу более чем на десяток лет в череду бесчисленных войн.

Если М.И. Богданович по праву считается одним из крупнейших военных историков России, то самым выдающимся историком российского государства, бесспорно, был С.М. Соловьёв, автор эпохального 29-томного труда по истории России, доведенного до 1775 года.

Сергей Михайлович Соловьёв (1820–1879) – наиболее яркая фигура в русской буржуазной, либерально-западнической историографии,

талантливейший представитель «государственной школы» в исторической науке, усматривавший много общих черт в развитии России и Западной Европы, заострявший внимание, прежде всего, на проблемах политической истории, изменении форм государственной власти. В 1877 году, к столетию со дня рождения императора Александра I, он выпустил блестящую монографию с говорящим названием «12-е декабря 1777 г. – Император Александр I. Политика. Дипломатия», которая до сих пор справедливо считается одним из наиболее обстоятельных исследований по истории внешней политики России первой четверти XIX столетия. В ней на базе огромного количества разнообразнейших исторических источников внимательнейшим образом прослеживаются хитросплетения дипломатических отношений России и европейских государств периода правления Александра I.

Соловьёв отказался от описания подробностей боевых действий и операций, но дипломатическая и политическая подоплека событий проработана им практически ювелирно. Тем не менее, ему не удалось избавиться от предложенной ещё М.И. Богдановичем весьма упрощённой схемы анализа европейского политического климата, в основание которой был заложен личный конфликт между Александром I и Наполеоном Бонапартом. В этом противостоянии двух выдающихся монархов Европы симпатии Соловьёва явно на стороне российского императора. Александр I, в понимании Соловьёва, прежде всего – «либеральный самодержец», «вождь», «умиротворитель Вселенной», «Агамемнон среди царей, пастырь народов». Одновременно он – «неутомимый политический боец», «главный исторический деятель», «установитель и охранитель мира», бескорыстно избравший своей целью «окончательно освободить Европу от Наполеона», обеспечив тем самым торжество «великой идеи успокоения Европы от революционных бурь и войн, идеи восстановления равновесия между государствами»¹⁹.

В Наполеоне, по Соловьёву, уживаются два начала: с одной стороны – «военный гений», «непобедимый полководец... непобедимой армии», «герой ста битв», «гениальный глава французского народа»; «гений войны, гений революции», с другой –

«поработитель Европы», «завоеватель» и «узурпатор», «новый Аттила», «враг рода человеческого»²⁰.

Именно в этой абсолютной, взаимоисключающей несовместимости двух столь выдающихся политических лидеров С.М. Соловьёв усматривал главную причину великих потрясений, переживаемых Европой в начале XIX столетия.

В последней четверти XIX в. господствующее положение в российской военно-исторической науке заняла так называемая «академическая школа», представленная имеющими высокие звания профессиональными военными, известными теоретиками и практиками военного дела, преподавателями военных академий. Одной из её наиболее ярких фигур был буржуазный историк-позитивист Г.А. Леер.

В 1885–1898 гг. под редакцией Г.А. Леера выходило солидное 4-томное издание «Обзор войн России от Петра Великого до наших дней». Сам редактор написал в нём несколько глав о развитии военного искусства в первой четверти XIX в. Полководец Наполеон был поднят Леером на небывалую до того времени в российской историографии высоту. Ставя его на голову выше всех его тогдашних противников, Леер категорично утверждал, что в войнах 1805, 1806–1807, 1812 годов «поведение Наполеона представляет высокий образец в положительном смысле, как со стороны стратегической, ...так и со стороны тактической»²¹. По мнению известного советского военного историка Л.Г. Бескровного, «Леер – апологет военного искусства Наполеона»²².

В своей работе, специально посвящённой Аустерлицкому сражению, Леер, оценивая действия М.И. Кутузова как в целом правильные, отмечает, что вина русского полководца была «не военная, а гражданская: недостаток гражданского мужества высказать всю правду юному императору»²³.

Леер исключительно внимателен к фактам и источникам. Так, он попытался одним из первых отказаться от позиции, ставшей практически постулатом российской исторической науки, следуя которой, Наполеон изображался агрессором, захватчиком, поборником идеи о мировом господстве, а Александр I предстал миротворцем, защитником интересов народов Европы. По Лееру, российский

император также весьма решительно стремился к лидирующему положению в европейской политике, что вызвало активное противодействие со стороны Наполеона.

Ещё одним видным представителем «академической школы» был генерал от инфантерии Платон Александрович Гейсман (1853–1914), который, в отличие от Г.А. Леера, был не столько теоретиком, сколько практиком военного дела (он принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1907 г. командовал пехотной дивизией, а с 1911 г. – пехотным корпусом).

В начале XIX века П.А. Гейсман написал блестящую статью-очерк, качественную по содержанию и богатую ярким фактическим материалом, – «Голенищев-Кутузов-Смоленский» для «Русского биографического словаря»²⁴. Здесь на 12-ти страницах он дал довольно подробный анализ действий знаменитого полководца в кампании 1805 года.

Проведя критический разбор диспозиции генерала Ф. Вейротера, которая отводила Наполеону роль пассивного наблюдателя за тем, как его армию будут бить, Гейсман уверенно утверждает, что «один Кутузов понимал обстановку и, по-видимому, предвидел поражение, но он не мог поправить дела, ибо его не слушали... Во всю Аустерлицкую операцию Кутузов находился в положении, недостойном главнокомандующего, и то обстоятельство, что он примирился с этой ролью, не говорит в его пользу»²⁵. Главными причинами «жестокое поражение» союзников под Аустерлицем Гейсман называет отсутствие единоначалия и то, что во главе их армии «стоял в сущности безвластный Кутузов». И хотя, сетует автор очерка: «у него (Кутузова. – А.Я.) не хватило гражданского мужества доложить всю правду Государю, ...нельзя утверждать, что такой доклад имел бы успех (курсив мой. – А.Я.), если бы даже Кутузов его и сделал»²⁶. Вот это последнее замечание делает честь историку П.А. Гейсману, который первым в российской историографии понял всю сложность, а точнее, нереальность попыток переубедить упрямого и самолюбивого российского императора. А потому, не считая Кутузова всегда и во всём правым и непогрешимым, он справедливо полагает, что было бы абсолютно неверным судить только по одному Аустерлицу о

великом таланте русского полководца, которого Гейсман ставит на второе место после непобедимого А.В. Суворова.²⁷

Практически параллельно с «академической школой» в российской военной историографии сложилась и существовала «русская школа». Её наиболее яркими и известными представителями были А.К. Баиов, Н.Ф. Дубровин, Д.Ф. Масловский, Н.П. Михневич, А.З. Мышляевский, А.Н. Петров, А.К. Пузыревский. Все они, как и «академисты», превыше всего ставили дух армии, считая его главной движущей силой развития военного искусства. Однако, учёные «русской школы» гораздо большее внимание уделяли вопросам организации, вооружения, снабжения и боевой подготовки войск.

Более чем заметной фигурой среди военных историков «русской школы» был Николай Петрович Михневич (1849–1927). Говоря о времени конца XVIII – начала XIX в., когда на Западе появился Наполеон, а Россия славилась такими полководцами как А.В. Суворов и М.И. Кутузов, Михневич писал: «По справедливости следует признать, что русское военное искусство не стояло ниже западноевропейского в эту эпоху, и даже гений Наполеона оказался недостаточным дополнением к силам всей Западной Европы, чтобы сломить сопротивление России в 1812 году»²⁸.

Однако, несмотря на многие сильные стороны своих научных исследований, Михневич часто следовал в русле некоторых положений русской дворянской историографии первой половины XIX века. Так, российская империя изображается им едва ли не единственным реальным противником Наполеона на пути к мировому господству, а Александр I характеризуется как бескорыстный спаситель Европы от французской агрессии.

Ещё одним выдающимся представителем «русской школы» был крупнейший военный историк начала XX века Алексей Константинович Баиов (1871–1935). Своим «учителем в области истории» А.К. Баиов называл великого русского историка последней трети XIX – начала XX в. академика В.О. Ключевского. Относясь с глубочайшим уважением и будучи во многом последователем «академической школы» Г.А. Леера, сам Баиов твёрдо стоял на позициях «русской школы» (многие

исследователи даже считают его основоположником этого научного направления). Мастерски оперируя огромными комплексами архивных материалов, Баиов умело анализировал в своих трудах различные стратегические планы и замыслы, разбирал тактические приёмы ведения войн и сражений. Изучая события начала XIX в., он объяснял неудачи русской армии в 1805 г. тем, что «наши военачальники не решились вести против гениального полководца (Наполеона. – А.Я.) наступательные операции»²⁹. М.И. Кутузова А.К. Баиов оценивал весьма критично, считая его послушным и безынициативным исполнителем воли императора Александра I. Многие действия русской армии в войнах против Франции историк характеризовал как оборонительные, пассивные и стратегически нецелесообразные, объясняя это патологическим страхом М.И. Кутузова перед военным гением Наполеона. Это мнение А.К. Баиова и ранее, и по сей день вызывало и вызывает большие споры.

В 1911–1913 гг. в свет вышла 15-томная «История русской армии и флота», написанная известнейшими военными историками начала XX в. Так, авторами 3-го тома были уже знакомые нам генерал от инфантерии Н.П. Михневич, полковник Генерального штаба А.К. Баиов, генерал-майор Д.А. Назаров. Последний написал относительно небольшой раздел, озаглавленный «Первые две войны Императора Александра I с Францией»³⁰. Дав краткий анализ политической обстановки в Европе от 18 брюмера 1799 г. до заключения Тильзитского мира, Назаров уделил главное внимание войнам 1805 г. и 1806–1807 гг. (при этом описание первой кампании занимает почти половину текста всей главы). Характеризуя расстановку сил, историк справедливо указал на два важных обстоятельства: 1) «война была начата при неготовности к ней Австрии»; 2) Пруссия же заняла явно выжидательную позицию и никакой реальной помощи странам третьей коалиции не оказала.³¹

Разбирая ход событий осенью 1805 г., автор полностью оправдывает отступательные действия М.И. Кутузова, направленные на сближение с войсками союзников. Анализируя ситуацию в канун Аустерлицкой битвы, Назаров соглашается с уже упоминавшимся выше историком П.А. Гейсманом, отмечая, что «к сожалению, с

прибытием в Ольмюц императоров Александра и Франца, мнение опытных военных людей не получило такого веса»³².

Подробно рассказав о ходе Аустерлицкой битвы, автор в очень ярких и образных выражениях описывает его драматический финал: «в то время, как союзники были заняты "маршированием" по Вейротеровской диспозиции, орлы наполеоновских полков через туман, расстилавшийся над Гольдбахом, перенесли на освещенные "аустерлицким" солнцем высоты Прадена и в этой одной точке оказались властителями всего обширного Аустерлицкого поля сражения...»³³. Главными причинами поражения русско-австрийской армии историк считает многоначалие и «расплывчатую», надуманную диспозицию Франца фон Вейротера. Характеризуя внешнеполитический эффект, произведённый Аустерлицкой баталией, Д.А. Назаров приходит к очень оригинальному, на наш взгляд, выводу: «Из держав третьей коалиции удар, разразившийся при Аустерлице, обрушился главным образом на Австрию. Россия вышла из-под него почти нетронутой; Аустерлиц был лишь облаком для славы русского оружия, но облаком устранимым. Англия даже еще более упрочила свое господство на морях, уничтожив французский флот у Трафальгара»³⁴.

В 1912–1914 гг. вышел в свет последний дореволюционный общий курс русской истории, правда, только XIX века. Его автором был выдающийся представитель либерально-буржуазного направления в исторической науке Александр Александрович Корнилов (1862–1925).³⁵

Событиям русско-австро-французской кампании 1805 года он посвятил всего несколько страниц своего труда. Анализируя международную обстановку в Европе после убийства герцога Энгенского и провозглашения Наполеона императором, Корнилов утверждал, что «интересы России во всей этой истории были, в сущности, не при чем: во всем этом деле Александр действовал не как представитель собственно русских государственных интересов, а как глава одной из великих европейских держав»³⁶. Более того, «война против Наполеона в 1805 году не только не вызывалась русскими интересами, но даже грозила еще России впоследствии осложниться

новой борьбой за территорию...». Подводя итог своим рассуждениям, историк пришел к выводу, что «война 1805 года кончилась несчастливо для России и Австрии главным образом благодаря неумелому ведению дела австрийскими генералами, а отчасти и благодаря неопытности и самонадеянности самого Александра, который заставлял русского главнокомандующего Кутузова поступать вопреки его убеждениям»³⁷.

Весьма близок к позиции и оценкам А.А. Корнилова был его соратник по партии конституционных демократов, известный историк и искусствовед, доктор наук Алексей Карпович Дживелегов (1875–1952). К 100-летию похода Наполеона в Россию вышло многотомное юбилейное издание.³⁸ А.К. Дживелегов был не только одним из его редакторов, но и написал в разные тома восемь глав, в основном посвящённых вопросам дипломатической и военной истории, а также личности Наполеона Бонапарта. Чуть позже он издал блестящий очерк³⁹, в котором постарался рассмотреть историю взаимоотношений и определить роль обоих императоров. Наполеона Дживелегов всегда оценивал очень высоко, считая его лучшим и самым совершенным воплощением военного искусства современности.

Параллельно с либерально-буржуазным направлением в русской исторической науке рубежа XIX–XX вв. продолжала существовать и консервативная дворянская историография (В.К. Надлер, Н.К. Шильдер, вел. кн. Николай Михайлович). Эти историки старались уделять поменьше внимания столь неуспешной для России войне 1805 г.; Александр I превозносился ими до небес, превращаясь, по существу, в непогрешимого героя. Как ни странно, лишь только его двоюродный внук великий князь Николай Михайлович всё же попытался признать некоторые заблуждения и ошибки своего венценосного деда и его ближайших сподвижников.

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно сказать, что в первой половине XIX века в российской дворянской историографии шло накопление материала и делались попытки его осмысления и систематизации, сочинения историков носили исключительно описательный характер, в центре внимания всегда находился

император Александр I – миротворец и герой, борющийся за спасение Европы от жестокостей и завоеваний Навуходоносора – Наполеона.

В последней трети XIX столетия в российской историографии складывается буржуазное направление. Этот период характеризуется борьбой двух научных школ: «академической» и «русской». И та и другая сделали очень многое для реализации критического подхода к эпохе наполеоновских войн. Гораздо большее внимание стало уделяться изучению экономической, политической, дипломатической подоплёки конфликта старой феодальной Европы и наполеоновской Франции. Всё чаще стал проводиться глубокий анализ и оценка действий Александра I и Наполеона Бонапарта, Кутузова и французских маршалов, отмечались ошибки и погрешности обеих сторон. Главным предметом спора между двумя школами была «теория заимствования». Историки-«академисты» считали, что всё лучшее в русском военном искусстве пришло с Запада, прежде всего, из Франции. Представители «русской школы» отстаивали превосходство или, по крайней мере, равенство уровней развития военной мысли России и Европы. К началу XX в. «академисты» всё больше и больше сближались с консервативно-дворянским направлением в истории, которое, кстати, продолжало существовать параллельно с буржуазными течениями. Исследователи «русской школы» со временем всё заметнее склонялись к либерально-буржуазным взглядам, всё дальше уходя от своих научных оппонентов.

В 1907–1911 годах в Санкт-Петербурге увидела свет 9-томная «История России в XIX веке», почти одновременно, в 1910–1913 гг., вышло пять томов «Русской истории с древнейших времен». И в том, и в другом изданиях роль редактора и ведущего автора играл выдающийся историк Михаил Николаевич Покровский (1868–1932). В обоих этих капитальных трудах предпринималась попытка осмысления русской истории с позиций марксизма. Покровский был автором более 500 работ, практически все они написаны ярким образным языком, богаты по содержанию, оригинальны по своему построению, но основу их составляли идеи экономического материализма, вульгарный социологизм, политизированность и излишняя публицистичность. Так, например, в главах «Истории России в XIX веке», посвящённых Александру I и

внешней политике российского государства в первые десятилетия теперь уже позапрошлого столетия, русский самодержец рисуется в весьма карикатурном виде: безвольный, ограниченный, вечно колеблющийся, самовлюбленный человек. А вся война 1805 года описывается одним предложением: «Исковерканная по устаревшему прусскому образцу армия разделила участь своего образца и даже опередила его в этом отношении: уже первая кампания кончилась разгромом, какого русские не видали со времен Нарвы»⁴⁰.

До середины 1930-х гг. взгляды академика М.Н. Покровского уверенно доминировали в советской исторической науке. Затем, во второй половине 1930-х гг. они стали сначала робко, затем всё более резко критиковаться и пересматриваться. Однако советская историография эпохи наполеоновских войн испытывала на себе столь мощный идеологический прессинг, что, несмотря на многие свои успехи и достижения в области изучения военной истории, уделяла главное внимание победам и подвигам, а кампания 1805 года никак не подходила под такую мерку. Наверное, это обстоятельство и явилось основной причиной того, что после 1917 г. первой войне Александра с Наполеоном не было посвящено *ни единого специального фундаментального исторического исследования*, какие выходили в XIX веке из-под пера А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича, Г.А. Леера.⁴¹ Так что поколению будущих российских военных историков не грозит безработица.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях в Венгрии, с подробным описанием похода россиян противу французов с 1805 и 1806 года. Ч. I–II. М., 1808.

² Там же. Ч. I. С. 130.

³ Там же. Ч. II. С. 5–12.

⁴ Там же. С. 13–15.

⁵ Глинка Ф.Н. Краткое начертание военного журнала. СПб., 1816. С. 10. – Нельзя не отметить, что впервые это соображение Глинка высказал ещё в 1808 году в самом первом издании «Писем русского офицера...» (Ч. II. С. 124, 128).

- ⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 1–5. М., 1836.
- ⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1–4. СПб., 1840–1841.
- ⁸ Там же. Ч. 3. С. 44–48.
- ⁹ Полевой Н.А. Русские полководцы или жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845. С. 208–209.
- ¹⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Разбор российских сочинений, касающихся до истории 1812 года // Отечественные записки. 1820. № 5. 6. 8; 1821. № 9, 11, 12, 14, 16.
- ¹¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805-м году. СПб., 1844. С. VI.
- ¹² Там же. С. 283, 281, 212.
- ¹³ Там же. С. 213.
- ¹⁴ Там же. С. 281–283.
- ¹⁵ Богданович М.И. Записки стратегии. Правила ведения войны, извлеченные из сочинений Наполеона, эрцгерцога Карла, генерала Жомини и других военных писателей. Ч. 1. СПб., 1847. С. IX.
- ¹⁶ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 1–6. СПб., 1869–1871.
- ¹⁷ Там же. Т. 2. СПб., 1869. С. 57.
- ¹⁸ Там же. С. 81–82.
- ¹⁹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 17. М., 1996. С. 424, 431, 441, 448, 704.
- ²⁰ Там же. С. 398, 411, 426, 440–442, 703.
- ²¹ Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах. Ч. 1. СПб., 1885. С. 341.
- ²² Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 206.
- ²³ Леер Г.А. Война 1805 года. Аустерлицкая операция. Подробный конспект. СПб., 1888. С. 34.
- ²⁴ РБС. [Т. 9]. Кнаппе – Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 628–695.
- ²⁵ Там же. С. 654.
- ²⁶ Там же. С. 654. 652.
- ²⁷ Там же. С. 654–655.
- ²⁸ Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898. С. 135.
- ²⁹ Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. 7. СПб., 1913. С. 467.
- ³⁰ История русской армии и флота. В 15-ти т. Т. 3. М., 1911. С. 23–83.
- ³¹ Там же. С. 31.
- ³² Там же. С. 48–49.
- ³³ Там же. С. 54–55.

³⁴ Там же. С. 56.

³⁵ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. Ч. 1–3. СПб., 1912–1914. Второе издание вышло уже при Советской власти в Москве в 1918 г., третье – также в Москве в 1993 г.

³⁶ Там же. Ч. 1. М., 1993. С. 77.

³⁷ Там же. С. 78.

³⁸ Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание. Т. 1–7. М., 1911–1912.

³⁹ Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. М., 1915.

⁴⁰ «История России в XIX веке», выходявшая в начале XX века под редакцией М.Н. Покровского, в настоящее время стала большой библиографической редкостью. В 2001 г. было осуществлено переиздание тех глав, автором которых был сам Покровский. Так появился двухтомник: «Дореформенная Россия» и «Эпоха реформ». Приведённая в тексте цитата взята из: Покровский М.Н. Дореформенная Россия. М., 2001. С. 52.

⁴¹ Справедливости ради, считаем своим долгом отметить ряд фамилий советских историков, которые так или иначе касались в своих трудах проблем истории войны 1805 года: Е.В. Тарле, Н.А. Левицкий, П.А. Жилин, Л.Г. Бескровный, Н.Ф. Гарнич, Н.С. Княпина, В.Г. Сироткин, А.Л. Нарочницкий, А.З. Манфред, Н.И. Казаков, С.Б. Окунь, Г.И. Герасимова, Н.А. Троицкий, Ю.Н. Гуляев, В.Т. Соглаев, Н.И. Ульянов, О.В. Соколов и др.

Можно также назвать четыре работы, которые посвящены определённым аспектам кампании 1805 года: Люшковский М.В. Полководческое искусство Кутузова в кампаниях 1805 и 1811 гг. Л., 1943; Монахов А. Императорские шахматы или горе побежденным // Персональная история. М., 1999. С. 124–207; Оксман Г.В. Русская армия в кампании 1805 года: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1955 (на правах рукописи); Троицкий Н.А. Россия в коалиционных войнах 1805–1807 годов // Новая и новейшая история. Проблемы общественной мысли. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1991. Вып. 13. С. 11–25.